Пушкин Александр Сергеевич
аспирант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРТИЙНЫХ КАДРОВ ЧУВАШИИ В 1920-е гг.: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: *статья посвящена исследованию роли национального состава в процессе формирования партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. Особое внимание при этом уделено влиянию коренизации в развитии партийно-советского образования, а также в деятельности партийных и хозяйственных органов управления. В результате выявлено, что последовательная подготовка специалистов для Чувашии позволила включить их в управленческую деятельность и способствовала увеличению возможностей занимать должности в партийных и советских органах, продвигаться на руководящие посты и участвовать в управлении автономией. В процессе становления партийных кадров Чувашской АССР в 1920-е гг. отдельно разграничиваются сведения о национальности работников, их партийной принадлежности и участии в системе партийного образования.*

Ключевые слова: *Чувашская АССР, Чувашская автономная область, партийные кадры, национальный состав, коренизация, национальная политика, партийное образование.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения национального представительства в партийных и государственных структурах Чувашской автономии в период становления национальной государственности. Анализ кадрового состава позволяет определить, насколько политика коренизации способствовала привлечению представителей чувашского народа к управлению автономией. Создание Чувашской автономной области в

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

1920 г. поставило перед местными партийными и советскими органами задачу сформировать управленческий аппарат, способный осуществить решения власти в регионе с преимущественно чувашским населением. Ревком приступил к созданию постоянных органов управления, центральное место среди которых занимал Областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вместе с тем при формировании нового аппарата Ревком столкнулся с острой нехваткой подготовленных работников. В работах, посвященных кадровым вопросам Чувашской автономии в 1920-е гг., формирование управленческих кадров характеризуется как «тактика затыкания дыр», при которой «несколько государственных постов занимал один и тот же работник» [12, с. 31].

Преодолеть дефицит квалифицированных работников и решить в регионе задачи государственного строительства можно было лишь с созданием национального состава партийно-государственного аппарата. В историографии коренизация характеризуется как курс на привлечение представителей национальностей региона к управлению и использование национального языка в работе учреждений [3, с. 21]. Привлекая представителей чувашского населения к управлению автономией, органы центральной власти могли осуществить более тесное взаимодействие с местным населением. Кроме того, использование чувашского языка в административной работе позволяло учитывать национальные и социально-культурные особенности региона при проведении государственной политики. С этой целью при поступлении в местную совпартшколу от рабочих и крестьян требовалось знание чувашского языка [12, с. 32]. Подготовка собственных национальных управленческих кадров должна была, тем самым, способствовать укреплению советских органов на местах и повышению эффективности их деятельности.

В региональной историографии вопросы формирования партийных и управленческих кадров Чувашской автономии рассматривались в работах А. Д. Борцова, Г. Н. Никифорова и В. Ф. Фёдоровой [1], К. Н. Васильевой и Е. К. Минеевой [3], С. В. Гончаровой [9], А. В. Желобанова и Е. К. Минеевой

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

[12]. Вместе с тем сопоставление национального состава партийных органов, управленческих структур и подготовленных кадров остаётся недостаточно разработанной темой и требует дальнейшего изучения.

Цель исследования заключается в характеристике основных направлений изменения национального состава партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. и определении роли коренизации, кадрового отбора и профессионального обучения в этом процессе. При анализе статистики важно различать национальность сотрудников, их членство в партии и занимаемую ими должность: каждый из этих показателей описывает отдельную сторону кадровой структуры.

Одним из направлений национальной политики в первые годы существования автономии стало вовлечение местного населения в советское государственное строительство. Эта установка нашла отражение в обращении Чувашского ревкома от 6 июля 1920 г., адресованном «ко всей чувашской бедноте, чувашским трудящимся и ко всем трудящимся области» [12, с. 31]. В документе подчёркивалась необходимость привлечения населения «в работу по советскому и коммунистическому строительству с тем, чтобы каждый бедняк привыкал к управлению государством» [12, с. 31]. Содержание обращения свидетельствует о стремлении советской власти расширить участие местных жителей в управленческих процессах и создать социальную основу для дальнейшего формирования национальных кадров региона. Вовлечение населения рассматривалось как одно из условий становления системы управления в Чувашской автономии.

К середине десятилетия партийная сеть уже приобрела значительный масштаб. Так, например, по данным издания А. Д. Борцова, Г. Н. Никифорова и В. Ф. Фёдоровой, в 1925 г. в 109 партийных ячейках республики состояли на учёте «2467 коммунистов» [3, с. 25]. Более конкретное представление о национальном составе партийной организации дают статистические сведения за 1925–1927 гг. Из которых следует, что на 1 января 1925 г. из 1300 членов и кандидатов Чувашской областной партийной организации 944 человека, или 72,6%, составляли чуваши. На 1 января 1926 г. их численность достигла 1419 человек из 2464 (57,6%), а на 10 января 1927 г. – 1528 из 2463 (62,0%) [14, л. 4]. Сниже-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ние доли чувашей в 1926 г. не свидетельствовало об уменьшении их численности. За год она увеличилась на 475 человек. Однако общая численность партийной организации росла более быстрыми темпами, что и обусловило изменение процентного соотношения. В следующем году при практически неизменной общей численности организации количество чувашей вновь увеличилось, что привело к росту их доли до 62%. Несмотря на колебания процентных показателей, представители чувашского народа на протяжении рассматриваемого периода составляли абсолютное большинство партийной организации. Это свидетельствует о значительном национальном представительстве чувашей в партийной структуре автономии, хотя его доля не оставалась неизменной. Значительным было представительство чувашей и в руководящих партийных органах: в 1925 г. они составляли 88,2% членов пленума обкома, в 1926 г. – 82,6%, в 1927 г. – 83,6%. Среди членов бюро партийных ячеек и волостных комитетов их доля в 1925 г. достигала 59,0% [14, л. 6]. Приведённые данные свидетельствуют о значительном представительстве чувашей в партийной организации и её руководящих структурах. Вместе с тем, эти показатели характеризуют национальный состав партийных органов и не могут автоматически распространяться на весь партийно-государственный аппарат.

Национальный состав партийной организации не следует отождествлять с национальным составом управленческого аппарата государственных учреждений. Вопрос о национальном представительстве среди руководящих кадров затрагивался в работах по истории органов власти Чувашской автономии. Так, К. Н. Васильева и Е. К. Минеева, опираясь на исследование Т. В. Немцевой, отмечали, что половину руководящих постов в партийных и государственных органах, отделах Чувашского облисполкома и областных учреждениях занимали члены и кандидаты в члены РКП(б), «тогда как представители же чувашской национальности среди них составляли меньшую часть» [13, с. 155–156]. Данное соотношение характеризует положение в управленческом аппарате рассматриваемого периода и не противоречит сведениям о высоком представительстве чувашей в партийных органах середины 1920-х гг. Оно показывает, что корениза-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ция партийной организации и изменение национального состава государственного аппарата представляли собой взаимосвязанные, но не совпадавшие по темпам процессы.

Коренизация выступала одним из направлений национальной политики советской власти. В национальных автономиях она предполагала расширение участия представителей местных народов в управлении, привлечение их к работе учреждений и подготовку национальных специалистов. «В связи с этим было принято решение о привлечении к управлению представителей национальностей в регионах, переводе делопроизводства на национальный язык» [3, с. 22]. Для Чувашии это имело практическое значение, так как при комплектовании местной совпартшколы учитывалось знание чувашского языка, необходимое для последующей работы среди населения [12, с. 32].

Коренизация проводилась в условиях нехватки опытных работников. В начале 1920-х гг. кадровое обеспечение органов власти в основном пополнялось за счёт приглашённых специалистов и работников, направленных из других регионов страны. Например, к ноябрю 1920 г. в Чувашию прибыло свыше 120 партийных и советских работников…, среди которых были агитаторы Чувашского отдела при Наркомнаце – С. И. Перцев, П. М. Верхунов, Г.И. Ильин, М.И. Левин и др.». Одновременно ставилась задача подготовки местных кадров [3, с. 24]. При выдвижении на ответственные должности партийная принадлежность сохраняла значение. Члены РКП(б) имели преимущества. Вместе с тем, кадровый дефицит вынуждал привлекать к управлению и беспартийных работников, зарекомендовавших себя добросовестным отношением к труд. Как отмечала С. В. Гончарова, в условиях нэпа от сотрудников требовались «не только умение командовать и выполнять приказы, но и компетентность, экономическая или хотя бы общеобразовательная подготовка сотрудников» [9, с. 39]. Поэтому темпы выдвижения работников из чувашей зависели от наличия подготовленного резерва и потребностей конкретных учреждений.

Материалы С. В. Гончаровой показывают, что в хозяйственных органах Чувашии кадровая политика в 1920-е гг. сочетала политические требования с

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

практической необходимостью привлекать работников, способных обеспечить текущую деятельность учреждений. В январе 1923 г. областной комитет РКП(б) отмечал, что «состав Областного исполкома исключительно партийный, в важнейших хозяйственных органах (Совнархозе, земельном управлении, финансовом отделе и др.) имеются партийные руководители» [9, с. 38]. Однако дефицит коммунистов и специалистов не позволял комплектовать все должности исключительно членами партии.

В исследовательской литературе по данному вопросу, в частности отмечается, что в эти годы допускалось назначение работников «не считаясь с тем, беспартийный или партийный данный товарищ» [9, с. 38], с чем, безусловно, можно согласиться. В 1921 г. десять из пятнадцати отделов Совета народного хозяйства ЧАО «возглавляли беспартийные» [9, с. 39]. Указанные сведения относятся к партийной принадлежности руководителей. Они позволяют увидеть, насколько остро стояла проблема кадрового обеспечения, и почему продвижение местных специалистов зависело от наличия профессионально подготовленного резерва.

Важным механизмом коренизации стала партийно-советское образование. В 1920-е гг. была сформирована система политической учёбы, «состоявшая из трех звеньев: совпартшкол (I и II ступени) и коммунистических вузов» [12, с. 31]. Каждая ступень имела определённое назначение: школы I ступени «занимались подготовкой руководящих кадров на местах», тогда как школы II ступени «готовили кадры для среднего руководящего партийного и советского звена» [12, с. 31]. Коммунистические университеты обеспечивали подготовку высшего руководящего состава, поскольку «окончание данного учебного заведения позволяло занять высшую руководящую должность» [12, с. 31].

Приём в совпартшколы осуществлялся с учётом установленных требований. В частности, в школы I ступени принимались активно проявившие себя рабочие и крестьяне, «умевшие читать и писать и прошедшие курс политграмоты» [12, с. 32]. Подготовка будущих партийно-государственных работников сопровождалась определёнными трудностями. Исследователи отмечают, что у вы-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ходцев из рабочих и крестьянских слоёв населения отсутствовали привычки «к систематической умственной работе» [12, с. 32]. Поэтому организация учебного процесса предполагала адаптацию методов преподавания к образовательному уровню курсантов, развитие у них навыков анализа и обобщения, а также способности применять полученные знания на практике.

Таким образом, система партийно-советского образования являлась одним из инструментов формирования кадрового резерва. Разделение учебных заведений на несколько ступеней позволяло готовить работников для различных уровней управления. Вместе с тем, необходимость восполнения недостаточной общеобразовательной подготовки курсантов указывает на то, что формирование квалифицированных партийно-государственных кадров представляло собой постепенный процесс, требовавший времени и последовательной образовательной работы.

Подготовка национальных кадров проводилась и за пределами автономии. В специальной группе Коммунистического университета трудящихся Востока, предназначенной для подготовки преподавателей, владевших языками студентов, шестеро из двенадцати обучавшихся являлись чувашами. «В Москве обучались 30 чувашских курсантов» [12, с. 32]. В 1925–1926 гг. в коммунистических университетах числилось «37 курсантов из Чувашии, из них 35 были представителями чувашского народа» [12, с. 34]. Приведённые сведения свидетельствуют о значительном представительстве чувашей среди курсантов, направлявшихся на обучение в управленческие учебные заведения. Особенно показателен состав обучавшихся в 1925–1926 гг. в коммунистических университетах. Это позволяет рассматривать систему партийно-советского образования как один из каналов формирования национального кадрового резерва автономии. Вместе с тем, данные об учащихся характеризуют процесс подготовки будущих работников и не дают оснований делать выводы о национальном составе всего партийно-государственного аппарата.

В течение десятилетия усиливалось партийное присутствие и в хозяйственных органах. По данным С. В. Гончаровой, в земельном управлении Чу-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вашской автономной области беспартийные в 1922 г. составляли 93% сотрудников; к 1924 г. доля членов РКП(б) и комсомольцев достигла 16%. В Наркомате земледелия ЧАССР коммунисты составляли 11% работников в 1925 г. и 18% в 1929 г. Изменение кадровой ситуации было связано с увеличением численности партийной организации. Как отмечает исследователь, «с 1925 г. дефицит партийных кадров в ЧАССР в связи с увеличением числа членов в партии стал менее острым» [9, с. 39]. К 1930 г. большинство руководящих должностей в органах хозяйственного управления республики занимали коммунисты.

Одновременно с этим, укрепление партийного присутствия сопровождалось высокой сменяемостью руководящих работников. В 1920–1929 гг., например, неоднократно менялись руководители земельных и промышленных органов власти, а в Чувашской партийной организации в 1920–1926 гг. сменилось девять ответственных секретарей обкома. Масштаб кадровой нестабильности отражала продолжительность пребывания руководителей на своих должностях: «В среднем руководители органов управления народным хозяйством задерживались на своем посту не более 1–1,5 года» [9, с. 38]. Частая смена руководителей затрудняла закрепление подготовленных работников на ответственных должностях и препятствовала формированию устойчивого управленческого слоя.

Следовательно, в 1920-е гг. происходило постепенное укрепление партийного влияния в системе хозяйственного управления Чувашии, что сопровождалось расширением практики назначения коммунистов на руководящие должности. Однако увеличение числа партийных работников не означало автоматического изменения национального состава управленческого аппарата. Высокая сменяемость руководителей затрудняла закрепление подготовленных специалистов на занимаемых должностях и делала процесс формирования постоянного кадрового состава менее устойчивым. В этих условиях выдвижение представителей чувашской национальности зависело от наличия подготовленных специалистов, их профессиональных качеств и возможностей продвижения внутри партийно-государственной системы.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Формирование национального состава партийных кадров Чувашской автономии в 1920-е гг. происходило постепенно и было непосредственно связано с политикой коренизации, развитием национального образования и привлечением местного населения к управлению. Представленные статистические данные свидетельствуют о значительном представительстве чувашей внутри партийной организации. Ещё более заметным было их присутствие в отдельных руководящих партийных органах: доля чувашей в составе пленума обкома в 1925–1927 гг. составляла от 82,6 до 88,2%. Представители чувашского народа занимали существенное место в партийной структуре автономии, в том числе на региональном руководящем уровне.

Важным условием этого процесса стала подготовка национальных кадров. Высокая доля чувашей среди курсантов коммунистических учебных заведений показывает, что система партийно-советского образования служила одним из основных каналов формирования местного кадрового резерва. Национальный состав партийной организации, учебных групп и государственных учреждений не был одинаковым. Привлечение специалистов из других регионов, недостаток квалифицированных местных работников и частая сменяемость руководителей влияли на темпы изменения состава управленческого аппарата. Поэтому увеличение представительства чувашей в партийных органах нельзя автоматически рассматривать как свидетельство аналогичных изменений во всех государственных и хозяйственных учреждениях автономии.

В целом к концу 1920-х гг. представители чувашского народа заняли заметное место в партийной организации и её руководящих структурах. Коренизация создала условия для расширения их участия в управлении автономией и постепенного изменения национального состава партийно-государственного аппарата. Однако этот процесс протекал неравномерно: национальное представительство в партийных органах развивалось быстрее, чем происходило обновление кадрового состава отдельных государственных и хозяйственных учреждений. Именно это различие позволяет рассматривать формирование национальных

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

кадров как самостоятельный и продолжительный процесс в истории Чувашской автономии.

Список литературы

1. Борцов, А. Д. Чувашская областная организация КПСС за 60 лет (цифры и факты) / А. Д. Борцов, Г. Н. Никифоров, В. Ф. Федорова. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. – 80 с.

2. Васильева, Ж. С. Подбор и расстановка кадров в областном суде Чувашской автономной области в 1923–1924 гг / Ж. С. Васильева // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Дню юриста (Чебоксары, 3–4 декабря 2013 г.). – Чебоксары, 2014. – С. 222–228.

3. Васильева, К. Н. Управленческие кадры Чувашской автономии в 1920–1930-е гг.: к историографии вопроса / К. Н. Васильева, Е. К. Минеева // Журнал исторических исследований. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 21–28.

4. Васильева, О. Н. Кадровая проблема и попытки ее разрешения в процессе формирования государственного аппарата Чувашской автономной области / О. Н. Васильева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2019. – Т. 5, № 3 (19). – С. 207–215.

5. Васильева, О. Н. Областные органы власти Чувашской автономной области (1920–1925 гг.): в поисках оптимальной структуры государственного аппарата / О. Н. Васильева, Е. К. Минеева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2019. – № 4 (52). – С. 79–87.

6. Васильева, О. Н. Формирование аппарата государственного управления Чувашской автономной области во второй половине 1920 года / О. Н. Васильева // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения : сборник трудов Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 22 марта 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Среда, 2019. – С. 184–189.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

7. Васильева, О. Н. Формирование и деятельность областных органов государственной власти Чувашской автономии в 1920–1925 гг. : дис.... канд. ист. наук : 07.00.02 / О. Н. Васильева. – Чебоксары, 2020. – 284 с.

8. Гимпельсон, Е. Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 61–67.

9. Гончарова, С. В. Члены коммунистической партии в системе органов управления народным хозяйством Чувашии в 1920-е годы / С. В. Гончарова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 37–40.

10. Дробижев, В. З. Коммунисты в центральных органах управления РСФСР: (некоторые результаты обработки с помощью ЭВМ материалов переписи служащих советских учреждений в 1918 г.) / В. З. Дробижев, Е. И. Пивовар // Вопросы истории КПСС. – 1985. – № 4. – С. 105–117.

11. Желобанов, А. В. Подготовка управленческих кадров в автономиях Среднего Поволжья в 1920-е гг.: обзор современной историографии / А. В. Желобанов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2 (42). – С. 119–133.

12. Желобанов, А. В. Подготовка управленческих кадров в Чувашской автономии в 1920-е гг / А. В. Желобанов, Е. К. Минеева // Центр и периферия. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 30–37.

13. Немцева, Т. В. Национальное движение чувашского народа: исторический опыт создания государственности (1917–1925 гг.) : дис.... канд. ист. наук / Т. В. Немцева. – Чебоксары, 2002. – 241 с.

14. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 32. – Д. 111. – Л. 4, 6.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)